

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 811.161.1'27. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-8-16.

ББК Ш141.12-003.

ГРНТИ 16.21.39. Код ВАК 5.9.8

РУССКИЕ ЧАСТИЦЫ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Вепрева И. Т.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2230-1985>
SPIN-код: 7989-1950

Харитонов А. В.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-9942-1730>
SPIN-код: 9906-8392

А н н о т а ц и я . Проблемное поле статьи связано с экспериментальным исследованием уральской идентичности. Цель статьи – выявить и систематизировать отличительные черты региональной идентичности, существующие в обыденном языковом сознании уральцев. Чувство привязанности носителя языка к собственной территории обычно осознается слабо и требует дополнительных усилий. Эффективным методом изучения идентичности является эксперимент. Экспериментальная методика незаконченных предложений, представленная в статье, опирается на семантические особенности частиц *даже* и *только* в качестве диагностических операторов. Функциональная особенность указанных частиц заключается в их способности к эксплицированию скрытых смыслов высказывания. Студентам Уральского федерального университета было дано задание продолжить 4 предложения: *Даже уральцы..., Даже на Урале...; Только уральцы..., Только на Урале...* Материалом исследования послужили 800 высказываний, полученных в результате проведения эксперимента. Указанные частицы являются амбивалентными по своей семантике. Они задают шкалу от нетипичного и неожиданного для Урала и уральцев (частица *даже*) до типичного, возводимого до уровня единственного (частица *только*). Частицы-актуализаторы позволили эксплицировать хранящиеся в языковом сознании респондентов стереотипные черты идентичности, которые укладываются в систему семантических констант феномена *уральского*. При этом характеристики региональной идентичности получают определение прежде всего на основе ее осмысления как отражения пространства со всеми его природно-географическими реалиями. Главной характерологической чертой уральской идентичности является указание на физическое пространство проживания: *Только уральцы живут одновременно и в Европе, и в Азии*. Описание физического пространства включает также характеристику климата и ландшафта. Респонденты указывают в качестве основного параметр суровости уральского климата и переменчивости погоды. Характеристика ландшафта подчеркивает его высокие эстетические достоинства. Немаловажной чертой является промышленная специализация региона. Были названы стереотипные черты уральского характера: суровость, дружелюбие, гостеприимство, сила духа и трудолюбие. Кроме того, частицы *только* и *даже* выступают маркерами ценностных предпочтений регионального сообщества.

К л ю ч е в ы е с л о в а : экспериментальные исследования; региональная идентичность; уральская идентичность; обыденное языковое сознание; русские частицы; русский язык; уральцы; методика незаконченных предложений; семантика крайности; пространственно-географические параметры; уральский характер

Б л а г о д а р н о с т ь : исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-01412 «Уральская идентичность Екатеринбурга в «светлом поле» сознания горожанина».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Вепрева, И. Т. Русские частицы и экспериментальное исследование региональной идентичности / И. Т. Вепрева, А. В. Харитонов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 8–16. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-8-16.

RUSSIAN PARTICLES AND AN EXPERIMENTAL STUDY OF REGIONAL IDENTITY

Irina T. Vepрева

Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2230-1985>

Anastasia V. Kharitonova

Ural Federal University

named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-9942-1730>

Abstract. The article focuses on the experimental study of Ural identity. The aim of the article is to identify and systematize the distinctive features of regional identity that exist in the everyday linguistic consciousness of the Uralians. A native speaker's sense of attachment to their own territory is usually poorly understood and requires additional effort. An effective method for studying identity is experimentation. The experimental technique of unfinished sentences presented in the article relies on the semantic features of particles *even* and *only* as diagnostic operators. The functional feature of these particles lies in their ability to explicate the hidden meanings of an utterance. Students of the Ural Federal University were given the task to complete 4 sentences: *Even the Uralians...*, *Even in the Urals...*; *Only the Uralians...*, *Only in the Urals...* The material for the study encompasses 800 utterances obtained as a result of the experiment. The indicated particles are ambivalent in their semantics. They define a scale from the atypical and unexpected for the Urals and the Uralians (the particle *even*) to the typical, elevated to the level of unique (the particle *only*). The actualizing particles made it possible to explicate the stereotypical features of identity stored in the linguistic consciousness of the respondents, which fit into the system of semantic constants of the phenomenon of the Ural. Moreover, the characteristics of regional identity are defined primarily on the basis of its understanding as a reflection of space with all its natural and geographical realities. The main characterological feature of the Ural identity is the reference to the physical space of residence: *Only the Uralians live simultaneously in Europe and Asia*. The description of the physical space also includes characteristics of the climate and landscape. Respondents cite the severity of the Ural climate and the variability of the weather as the primary parameters. Landscape characteristics highlight its high aesthetic qualities. The region's industrial specialization is also a significant feature. Stereotypical Ural character traits were cited: severity, friendliness, hospitality, fortitude, and hard work. Furthermore, the particles *only* and *even* act as markers of the value-based preferences of the regional community.

Keywords: experimental studies; regional identity; Ural identity; everyday linguistic consciousness; Russian particles; Russian language; Uralians; technique of unfinished sentences; semantics of the extreme; spatial-geographical parameters; Ural character

Acknowledgments: This research was supported by the Russian Science Foundation project No. 25-28-01412 "The Ural identity of Ekaterinburg in the 'bright field' of the city dweller's consciousness".

For citation: Vepreva, I. T., Kharitonova, A. V. (2025). Russian Particles and an Experimental Study of Regional Identity. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 3, pp. 8–16. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-8-16.

Введение

Русские частицы имеют основательную исследовательскую историю. Обзор научных трудов, посвященных изучению партикулярного фонда в русском языке, позволяет наметить несколько основных этапов их анализа¹ [Муминов 2011: 9–14]. В исследованиях можно выделить два методологических вектора. Первый связан с изучением служебных слов в традиционных терминах. На начальном этапе наблюдений частицы не рассматривались как отдельная часть речи и описывались в составе различных лексико-грамматических классов. Так, понятие *частица* мы встречаем еще в «Русской грамматике» М. В. Ломоносова, однако оно применяется автором только к лексемам *ли*, *не* [Ломоносов 1952: 566], остальные же слова, причисляемые в современном русском языке к частицам, М. В. Ломоносов включает в группу союзов и наречий.

Следующий важнейший этап традиционного развития научной мысли – классификационный, был связан с выделением частиц как отдельной частеречной группы и необходимостью описать их как класс в целом. Это стало возможным благодаря академику В. В. Виноградову, разграничившему общее и частное значение термина *частица*. Частицы речи в широком смысле слова как совокупность служебных слов противопоставляются знаменательным частям речи и определяются как

«классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений» [Виноградов 1986: 544]. В то же время частицы в частном значении, по В. В. Виноградову, – это «несколько небольших групп слов, которые объединены общими свойствами гибридно-полуграмматического, полулексического типа и промежуточным положением между наречиями и модальными словами, с одной стороны, и союзами – с другой стороны» [Там же: 545]. Именно такой дифференцирующий взгляд ученого на частицы позволил выделить их как особый класс внутри служебных слов, как отдельную часть речи. После фундаментального труда В. В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» академические грамматики русского языка, а вслед за ними учебники и учебные пособия по современному русскому языку рассматривают частицы как служебную часть речи.

Всплеск интереса к частицам, новый вектор рассмотрения единиц связан с поворотом от структурализма к антропоцентризму, переходом от пассивной грамматики к активной. Появляется множество работ, посвященных портретированию отдельных частиц и групп частиц, их семантике, функциям, особенностям употребления² [Баранов

¹ Стародумова Е. А. Русские частицы (письменная монологическая речь): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М.: МПГУ, 1997. С. 3.

² Борисова Е. Г. Семантический анализ усилительных частиц русского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 187 с.

1987; Стародумова 1971 и др.]. В новой научной парадигме язык определяется как семиотическая система, «основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом» [Степанов 1974: 14], в связи с чем активно развиваются коммуникативная лингвистика, теория дискурса, лингвопрагматика, когнитивная лингвистика. В русле этих дисциплин частицы получают новое осмысление, продолжают изучаться и по сегодняшний день.

Повышенное внимание исследователей к частицам в дискурсивном аспекте связано с выявлением у них (наряду с некоторыми другими словами и конструкциями) особых дискурсивных функций: «членение текста на синтагмы и макросинтагмы, управление вниманием собеседника, маркировка различных этапов построения речи» [Шмелев 2005: 519]. Для обозначения этих слов, организующих дискурс и являющихся элементами его структуры, предлагались различные термины: *прагмалексемы* [Rathmayr 1985], *дискурсивные маркеры* [Schiffrin 1988], «*маркеры управления пониманием (МУП)*» [Борисова, Паршин 2024: 44] и др. Однако наиболее удачным и распространенным стал термин *дискурсивные слова*. На сегодняшний день актуальными являются проблемы определения границ дискурсивных слов как грамматического класса, а также их лексикографическое описание [см.: Богданова-Бегларян 2021; Путеводитель по дискурсивным словам русского языка 1993].

Частицы привлекают внимание лингвистов и в русле когнитивного подхода к языкознанию, согласно которому в основе пользования языком лежат когнитивные структуры сознания, а операции с вербальными знаками являются проекцией знаний о мире. Длительное время была распространена точка зрения, что частицы не имеют собственной семантики, но могут влиять на понимание общего смысла высказывания. Однако с появлением процедурного (операционального) подхода к описанию частиц компромиссным стало решение рассматривать значение частицы не как совокупность конкретных сем, а «в виде инструкции, предписывающей произвести некоторую операцию над остальной частью высказывания с тем, чтобы интегрировать ее в модель мира, находящуюся в текущем сознании субъекта при понимании им сообщения» [Кобозева 1991: 170]. Результатом такой операции является выявление «высказывания-тени», «фразы-тени» [Николаева 1982], т. е. имплицитных смыслов, актуализируемых той или иной частицей, употребляемой говорящим.

Способность формировать такое скрытое высказывание Т. М. Николаева рассматривает как одно из основных функциональных свойств класса акцентирующих частиц (*вот, только, даже, уж* и др.), поскольку их включение в состав предложения образует внутри него два потока информации. Первый информационный поток прямо выражен в высказывании и связан непосредственно с акцентирующей функцией данных частиц – выделение компонента высказывания, к которому относится частица. Второй поток представляет собой то са-

мое вербально не выраженное, «теневое» высказывание и «часто строится на непреложных, не оспариваемых истинах, объединяющих данный социум» [Николаева 1982: 58]. Эта функциональная особенность указанных частиц, на наш взгляд, позволяет использовать их в различных экспериментальных исследованиях как диагностическую базу, выявляющую, помимо вербально выраженных смыслов исключительности, также имплицитные смыслы, не всегда сознательно закладываемые говорящим.

Методология и материалы

В настоящей работе мы обращаемся к частицам *даже* (усилительная) и *только* (выделительно-ограничительная) в качестве диагностических операторов выявления черт уральской идентичности. Цель статьи – выявить и систематизировать характеристики региональной идентичности, существующие в обыденном языковом сознании уральцев.

Под региональной идентичностью понимается «ощущение, проживание и даже рефлексия (чаще нерациональная) специфики “своей” территории на уровне группового и личного сознания» [Каганский 2014: 11], а также специфики регионального сообщества.

В исследованиях уральской идентичности лингвисты обращаются к региональному языковому материалу, с одной стороны, с целью выявления лингвокультурной информации о регионе и его специфике: анализируются региональные онимы [Голомидова, Дмитриева 2023; Разумов, Горяев 2020] и тексты местных СМИ [Чепкина 2023]. С другой стороны, региональная идентичность рассматривается как социально конструируемое понятие, актуализация которого в языке обусловлена прагматически. В связи с этим изучение региональной идентичности проводится прежде всего в рамках политического [Никифорова, Нахимова 2023] и медиадискурса [Ильина, Каблуков 2019], поскольку «СМИ являются на сегодняшний день мощными факторами воздействия на процессы самоидентификации отдельных индивидов и общностей людей» [Чибисова 2017: 74].

Однако, на наш взгляд, изучение и интерпретация региональной идентичности как многоаспектного феномена, выражающегося в том числе в языке, требуют совокупности экспериментальных методов и приемов, поскольку чувство привязанности носителя языка к собственной территории, как и своя особость по сравнению с жителями других регионов, обычно осознается слабо, требует дополнительной актуализации. «Региональная идентичность зачастую “дремлет” или вовсе “спит”, потому что не подвергается испытаниям. ...И такую региональную общность приходится буквально извлекать из ее носителей с помощью разных ухищрений, придуманных исследователями» [Смирнягин 2011: 182].

Для стратегии научного поиска вербального выражения региональной идентичности необходима ориентация на объединение исследовательских методик, осуществляемых в русле лингвистического антропоцентризма. В частности, для сти-

мулирования направленной рефлексии о феномене уральскости было проведено экспериментальное исследование среди студентов Уральского федерального университета (180 респондентов гуманитарных специальностей). В эксперименте использовался метод незаконченных предложений, который, по мнению исследователей, «дает более объективную информацию» о стереотипных чертах уральской идентичности, «чем та, которую можно добыть с помощью прямых вопросов вроде *Каков он, по Вашему мнению, характер уральца?*» [см.: Кобозева 1995: 115]. Респондентам было дано задание продолжить 4 предложения, включающих языковые актуализаторы в виде частиц *даже* и *только*: *Даже уральцы...*, *Даже на Урале...*; *Только уральцы...*, *Только на Урале...* Материалом исследования послужили 800 высказываний, полученных в результате проведения лингвистического эксперимента.

Результаты и обсуждение

В основу описания семантики частиц *даже* и *только* может быть положена «идея шкалы и полюса» [Левонтина 2021: 474], где шкала субъективных ожиданий [Богуславский 1996: 306–307] представляет собой нормативно-ценностную картину мира говорящего. На ней частицы производят «нечто вроде градуирования» [Крейдли 1975: 105], маркируя «крайне допустимый предел нормы, предел приемлемости указанного ядерного элемента» [Акопян 2017: 152].

Частным проявлением категории градуальности является семантика крайности¹, манифестируемая частицами. При этом частица *даже* «отмечает объект, признак как необычный, неожиданный и тем самым показывает крайнюю, максимальную степень признака, обозначенного предикатом» [Стародумова 2002: 92], привносит «значение максимально возможного» [Токарчук 2013: 52], а частица *только* указывает на признак исключительности, единственности из множества объектов, представляя информацию «субъективно-объективного характера» [Стародумова 2002: 88].

Русские частицы-актуализаторы *даже* и *только*, обладая свернутой семантикой, способной к динамическому развертыванию, участвуют в операциях ментального уровня субъекта, вовлеченного в экспериментальную деятельность. Иллюстративно представим процедурную операцию, которую слушающий должен произвести со смыслом высказывания, включающего данные частицы, а именно – обратить внимание на фрагмент значения [Blakemore 2002].

Даже на Урале есть культурные люди, а не одни гопники.

Это предложение может быть эксплицитно перефразировано следующим образом:

А. На Урале есть культурные люди.

В. Большинство людей на Урале – гопники (одни гопники).

С. Урал – последнее место, где можно предположить наличие культурных людей.

Д. Ожидалось, что на Урале нет культурных людей.

Операциональное описание реализует когнитивный подход и позволяет продемонстрировать функцию частицы *даже*, обеспечивающую усиление семантики крайнего предела нормы. Компоненты В, С, Д описывают прагматико-смысловой эффект (высказывание-тень), вносимый частицей *даже*. Эксплицируется представление респондента об Урале как о провинциальном регионе со сниженным уровнем культуры, встретить культурного человека на Урале – нечто нехарактерное для региона, предел приемлемости данной характеристики. На поверхностном, речевом уровне данное представление реализуется в ряде синонимических высказываний:

Даже на Урале много образованных людей;

Даже на Урале есть искусство;

Даже на Урале есть грамотные люди;

Даже на Урале есть мода;

Даже уральцы интересуются культурой и искусством;

Даже уральцы интеллектуально развиваются.

В связи с этим следующим этапом исследования является переход на уровень формулирования единой черты региональной идентичности: *Урал обладает интеллектуальным и творческим потенциалом, несмотря на свою удаленность от столицы.*

Основу семантики выделительно-ограничительной частицы *только* составляет значение единственности: «говорящий сообщает, что из ряда каких-либо признаков, предметов, ситуаций он избирает единственный, максимально приемлемый для него или соответствующий данному положению дел вариант, тем самым отвергая другие возможности» [Словарь служебных слов ... 2001: 40]. Высказывания, полученные в результате завершения предложений с частицей *только*, эксплицируют наиболее яркие отличительные черты уральского, свойственные исключительно Уралу и уральцам. Покажем процедурную операцию с данной частицей на примере высказывания:

Только уральцы живут одновременно и в Европе, и в Азии.

А. Часть регионов России находится в Европе.

В. Часть регионов России находится в Азии.

С. Единственный из всех регионов России находится и в Европе, и в Азии одновременно. И это Урал.

Частица *только* также актуализирует и эмоционально-оценочную составляющую уральской идентичности, реализуя значение не просто единственности, а уникальности ценностного месторасположения в географическом пространстве России, что демонстрирует чувство гордости уральцев – эмоции, отражающей положительную самооценку. «Для понимания региональной идентичности оказывается важным не географическое пространство само по себе, а *чувство пространства*, сплав физической реальности и вызываемых ею эмоций» [Головнева 2013: 83].

¹ Ключина А. М. Семантика крайности и средства ее выражения в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 5.9.5. М., 2025. 43 с.

При этом оценка может быть не только мелиоративной, некоторые уральские реалии оцениваются критически, частица *только* в следующих контекстах маркирует самоиронию респондентов:

Только на Урале люди могут похвастаться одной веткой метро;

Только уральцы могут бесконечно шутить про вторую ветку метро, которую никогда не построят;

Только уральцы каждый Новый год загадывают ветку метро.

Можно было бы удовлетвориться результатом, полученным на первом этапе, и сделать вывод о том, что параметры, выделенные при помощи частиц-актуализаторов, отражают характерологические черты региональной идентичности в сознании уральцев. Однако представляется, что выявленный набор параметров региональной идентичности позволяет при более глубоком анализе определить стержневую характерологическую черту, инвариантную по отношению к другим параметрам, полученным на начальном этапе анализа. В связи с этим предъявление полученных черт уральской идентичности организуем по принципу выделения смысловой доминанты, которая бы объединила остальные параметры на базе выявления общих для них смысловых элементов.

Описание идентичности может быть связано с несколькими измерениями. Ключевое понятие региональной идентичности – это пространственный параметр, значимость места проживания. Позиционные факторы географического пространства играют большую роль в дальнейшем складывании его системы ценностей.

Итак, обозначим главной характерологической чертой уральской идентичности указание на физическое пространство проживания – **«Урал – межконтинентальный пограничный регион России»:**

Только уральцы живут одновременно и в Европе, и в Азии.

Данное высказывание эксплицирует знания респондента о географическом положении региона, а конкретнее – города Екатеринбурга, который оказывается в языковом сознании испытуемого синонимом всего Урала, а екатеринбуржцы – синонимом уральцев вообще. Подобный перенос, рассмотрение всего уральского как екатеринбургского регулярно наблюдаются в ответах опрошенных, а зачастую вербализуются прямо:

Только на Урале есть своя столица – Екатеринбург.

Таким образом, частица *только* эксплицирует ментальную карту Урала, имеющуюся в сознании респондентов.

Описание физического пространства включает прежде всего характеристику климата и ландшафта. Результаты эксперимента подтверждают эту комплексную характеристику. Респонденты указывают в качестве основных следующие параметры:

«Уральский климат суров, а погода изменчива»

Даже на Урале бывает жаркое лето; Даже на Урале бывает тепло; Даже уральцы не выдерживают уральских температур; Только на Урале люди по-настоящему знают, что такое зима; Только на Урале люди мерзнут

девять месяцев в году; Только на Урале погода может меняться каждую минуту; Только уральцы носят с собой солнечные очки, зонт и шапку; Только уральцы даже летом не убирают зимние вещи далеко.

Ландшафтная парадигма ответов включает его пейзажное восприятие, эмоциональная наполненность ответов подчеркивает высокие эстетические достоинства ландшафта:

«Уральская природа красива, ее отличительной особенностью являются горы»

Только на Урале такая удивительная природа; Только на Урале такие горы; Только на Урале можно увидеть красоты Уральских гор; Только на Урале суровая, красивая природа.

Современная гуманитарная география включает в себя и исследование человеческого поведения в пространстве [Замятин 2010], прежде всего экономической и хозяйственной деятельности, обусловленной географической спецификой. Немаловажными характеристиками уральской идентичности являются промышленная специализация региона и уровень социально-экономического развития:

«Урал – горнозаводской регион»

Только на Урале после школы идешь на завод; Только на Урале лесные массивы сочетаются с заводами; Только на Урале есть горы самоцветов; Только на Урале много заводов; Только на Урале такие машиностроительные предприятия; Только на Урале столько работы; Только на Урале добывают огромное количество самоцветов.

Региональная идентичность основана на сугубо позитивных чувствах любви к малой родине. Респонденты в рамках эксперимента создают высказывания, включающие имплицитную или эксплицитную положительную оценку известных уральских пищевых брендов:

«Любовь уральцев к местной пищевой продукции»

Только на Урале есть магазин «Жизньмарт»; Только уральцы могут есть самые вкусные булочки «Смак» и пить «Ирбитский йогурт»; Только уральцы наслаждаются булочками «Смак»; Только уральцы так обожают свой майонез ЕЖК.

Образ места включает в себя и культурный ландшафт, см. рассмотренный выше параметр **«Урал обладает интеллектуальным и творческим потенциалом, несмотря на свою удаленность от столицы».**

В группе предъявляемых диагностических конструкций с заполнением пропуска объектом акцентного выделения, кроме лексемы *Урал*, являлась и лексема *уральцы*. Партикулярная «лупа» на первый план выдвинула специфические черты человека, живущего на Урале, обусловленные суровым климатом:

«Противоречивость уральского характера: угрюмый, суровый – дружелюбный и гостеприимный»

Даже на Урале люди улыбаются; Только на Урале остались настоящие суровые мужики; Даже на Урале люди добрые; Даже на Урале люди могут быть вежливыми; Даже уральцы, несмотря на суровость, могут тепло встречать гостей; Даже уральцы плачут над «Хатико» и «Титаником»; Даже уральцы бывают добрыми и веселыми

ми; Только у уральцев можно увидеть суровую нежность характера; Только у уральцев корявый характер, красоту которого не увидишь, если не приглядеться.

Климатические трудности закаляют характер уральцев, поэтому отдельно можно выделить отличительные черты, связанные с силой духа и трудолюбием:

«Сила духа и трудолюбие уральца»

Только уральцы сильны духом; Только уральцы могут толкнуть утром трамвай и поехать на нем на работу; Только уральцы так усердны в работе; Только на Урале живут сильные люди.

Общенациональный вариант литературного языка имеет множество географически распределенных вариантов. Речь с региональными производными маркерами является, скорее всего, правилом, нежели исключением. Вопрос о принадлежности той или иной фонетической черты, того или иного слова региональному варианту литературного произношения решается как на основе характера варьирования, так и на основе оценки данного варианта самими носителями языка в регионе:

«Уральская речь имеет свои фонетические и лексические особенности»

Даже уральцы могут говорить медленно и мягко; Только уральцы так громко говорят; Только уральцы говорят на уральском говоре; Только уральцы тараторят так, что их никто не понимает; Только уральцы окажут; Только уральцы имеют право говорить «чо»; Только уральцы знают, что такое «шаньга» и «вехотка»; Только уральцы имеют словарь своих уральских слов.

Заключение

Таким образом, общий взгляд на корпус полученных высказываний позволяет заключить, что в обыденном языковом сознании уральцев существует целый ряд типичных автостереотипов. Использование частиц *даже* и *только* при проведении экспериментальных исследований, направленных на изучение региональной идентичности, представляется целесообразным и эффективным приемом интенсификации данных представлений. Тонкая когнитивная оптика частиц еще раз продемонстрировала свою нетривиальную способность к эксплицированию скрытых существенных смыслов высказывания. Указанные частицы являются амбивалентными по своей выделительной семантике. Они задают шкалу от нетипичного и неожиданного для Урала и уральцев (частица *даже*) до типичного и ожидаемого, возводимого до уровня единственного и исключительного (частица *только*). Частицы-актуализаторы позволили эксплицировать хранящиеся в языковом сознании респондентов наиболее яркие стереотипные черты уральской идентичности, которые укладываются в систему семантических констант феномена *уральского*. При этом характеристики региональной идентичности получают «адекватное определение прежде всего на основе ее осмысления как отражения пространства со всеми его природно-географическими и историко-культурными реалиями» [Головнева 2013: 82]. Кроме того, частицы *только* и *даже* выступают маркерами ценностных предпочтений регионального сообщества, отражая отдельные аспекты его существования.

Литература

- Акопян, К. С. Микромир частицы *даже*: семантико-прагматические особенности функционирования при отрицании / К. С. Акопян // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 1 (25). – С. 152–166. – EDN ZUROCB.
- Баранов, А. Н. «Выделительное» и «событийное» значения частицы «да»: материалы к изучению семантики и прагматики диалога / А. Н. Баранов // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1987. – Вып. 751. – С. 32–48.
- Богданова-Бегларян, Н. В. Прагматические маркеры русской повседневной речи : словарь-монография / Н. В. Богданова-Бегларян. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. – 520 с.
- Богуславский, И. М. Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 460 с.
- Борисова, Е. Г. Описание усилительных (дискурсивных) частиц и развитие исследовательского аппарата науки о языке / Е. Г. Борисова, П. Б. Паршин // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2024. – № 1. – С. 39–55. – DOI: 10.31249/ling/2024.01.03. – EDN NAZIKY.
- Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / В. В. Виноградов ; отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – Москва : Высшая школа, 1986. – 640 с.
- Головнева, Е. В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения / Е. В. Головнева // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 2 (39). – С. 81–88. – EDN QCCUVN.
- Голомидова, М. В. Отражение территориальной идентичности в топонимическом ландшафте малых городов Урала / М. В. Голомидова, А. В. Дмитриева // Вопросы ономастики. – 2023. – Т. 20, № 2. – С. 144–173. – DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.019. – EDN VMMGNS.
- Замятин, Д. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук / Д. Замятин // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9, № 3. – С. 26–50. – EDN NTYQQQL.
- Ильина, О. В. Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области / О. В. Ильина, Е. В. Каблуков // Политическая лингвистика. – 2019. – № 2 (74). – С. 119–131. – DOI: 10.26170/pl19-02-14. – EDN CEINJA.

Каганский, В. Л. Ареальная парадигма пространственной идентичности: основания, пределы, выход за пределы / В. Л. Каганский // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2014. – № 5. – С. 10–19. – EDN TINJJD.

Кобозева, И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / И. М. Кобозева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1995. – № 3. – С. 102–116.

Кобозева, И. М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов / И. М. Кобозева // Прагматика и семантика : сборник научно-аналитических обзоров. – Москва, 1991. – С. 147–175.

Крейдлин, Г. Е. Лексема *даже* / Г. Л. Крейдлин // Семиотика и информатика. – 1975. – № 6. – С. 102–115.

Левонтина, И. Б. Семантический компонент 'шкала' в значении дискурсивной частицы *уж* / И. Б. Левонтина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 20. – Москва : РГГУ, 2021. – С. 473–482.

Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. / М. В. Ломоносов. – Москва : Издательство АН СССР, 1952. – 996 с.

Муминов, В. И. Стилистические функции частиц в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / В. И. Муминов. – Южно-Сахалинск : Издательство СахГУ, 2011. – 240 с.

Никифорова, М. В. Средства вербализации идентичности в сетевом дискурсе региональных политиков / М. В. Никифорова, Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2023. – № 5 (101). – С. 109–115. – EDN FZDZHN.

Николаева, Т. М. Семантика акцентного выделения / Т. М. Николаева ; Академия наук СССР, Научный совет по теории советского языкознания, Институт языкознания. – Москва : Издательство «Наука», 1982. – 102 с. – EDN UCFKTD.

Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. – Москва : Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.

Словарь служебных слов русского языка / А. Ф. Прияткина [и др.]. – Владивосток : Примполиграфкомбинат, 2001. – 363 с.

Разумов, Р. В. Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние / Р. В. Разумов, С. О. Горяев // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 201–219. – DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024. – EDN XCHZVS.

Смирнягин, Л. В. Региональная идентичность и география / Л. В. Смирнягин // Идентичность как предмет политического анализа : сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции, Москва, 21–22 октября 2010 года. – Москва : ИМЭМО РАН, 2011. – С. 182–186.

Стародумова, Е. А. Значение и функции слова «тоже» / Е. А. Стародумова // Ученые записки Дальневосточного государственного университета. – 1971. – Т. 12. – С. 94–107.

Стародумова, Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание) / Е. А. Стародумова. – Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2002. – 292 с.

Степанов, Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований / Ю. С. Степанов // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – Москва : Прогресс, 1974. – С. 5–16.

Токарчук, И. Н. Особенности функционирования частицы *ДАЖЕ* в научном (медицинском) тексте / И. Н. Токарчук // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. – 2013. – № 2 (49). – С. 49–56. – EDN QATPQX.

Чепкина, Э. В. Практики презентации территориальной идентичности в медиадискурсе о путешествиях по городам Урала / Э. В. Чепкина // Медиа как фактор адаптации человека к социальным, экономическим и политическим изменениям : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 20–22 апреля 2023 года / составитель О. Ф. Автохутдинова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2023. – С. 307–312. – EDN UAMFUO.

Чибисова, О. В. Конструирование региональной идентичности районными газетами Хабаровского края / О. В. Чибисова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10-1 (76). – С. 73–76. – EDN ZFDQZZ.

Шмелев, А. Д. «Показатели hesitation» в русской устной речи / А. Д. Шмелев // Язык. Личность. Текст : сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. – Москва : Языки славянских культур, 2005. – С. 518–530.

Blakemore, D. Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers / D. Blakemore. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 200 p.

Rathmayr, R. Die russischen Partikeln als Pragmalexeme / R. Rathmayr. – München : Sagner, 1985. – 354 S.

Schiffrin, D. Discourse Markers. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – 364 p.

References

Akopyan, K. S. (2017). Mikromir chastitsy dazhe: semantiko-pragmaticheskie osobennosti funktsionirovaniya pri otritsanii = The microcosm of the particle even: semantic and pragmatic features of functioning in negation. *Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University: Humanities and Social Sciences*, 1(25), 152–166. EDN ZUROCB.

- Baranov, A. N. (1987). «Vydelitel'noe» i «sobytiynoe» znacheniya chastitsy «da»: materialy k izucheniyu semantiki i pragmatiki dialoga = The “selective” and “event” meanings of the particle “da”: materials for studying the semantics and pragmatics of dialogue. *Scientific Notes of Tartu State University*, 751, 32–48.
- Baranov, A. N., Plungyan, V. A., Rakhilina, E. V. (1993). *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* = A Guide to discourse words in the Russian language. Moscow: Pomovsky and Partner, 207 p.
- Blakemore, D. (2002). *Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 200 p.
- Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2021). *Pragmatische markery russkoy povsednevnoy rechi* = Pragmatic markers of Russian everyday speech. Saint Petersburg: Nestor-History, 520 p.
- Boguslavsky, I. M. (1996). *Sfera deystviya leksicheskikh edinits* = The scope of lexical units. Moscow: School “Languages of Russian Culture”, 460 p.
- Borisova, E. G., Parshin, P. B. (2024). *Opisanie usilitel'nykh (diskursivnykh) chastits i razvitiye issledovatel'skogo apparata nauki o yazyke* = Description of intensifying (discursive) particles and development of the research apparatus of the science of language. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics*, 1, 39–55. DOI: 10.31249/ling/2024.01.03. EDN NAZIKY.
- Chepkina, E. V. (2023). *Praktiki prezentatsii territorial'noy identichnosti v mediadiskurse o puteshestviyakh po gorodam Urala* = Practices of presenting territorial identity in media discourse about traveling to the cities of the Ural. *Media as a factor in human adaptation to social, economic and political changes*, 307–312. Ekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. EDN UAMFUO.
- Chibisova, O. V. (2017). *Konstruirovaniye regional'noy identichnosti rayonnyimi gazetami Khabarovskogo kraia* = Construction of regional identity by district newspapers of Khabarovsk Krai. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 10-1(76), 73–76. EDN ZFDQZZ.
- Golomidova, M. V., Dmitrieva, A. V. (2023). *Otrazheniye territorial'noy identichnosti v toponimicheskom landshafte malykh gorodov Urala* = Reflection of territorial identity in the toponymic landscape of small towns in the Urals. *Questions of onomastics*, 20(2), 144–173. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.019. EDN VMMGNS.
- Golovneva, E. V. (2013). *Regional'naya identichnost': teoreticheskie aspekty izucheniya* = Regional identity: theoretical aspects of study. *Ural Historical Bulletin*, 2(39), 81–88. EDN QCCUVN.
- Ilyina, O. V., Kablukov, E. V. (2019). *Praktiki konstruirovaniya ural'skoy identichnosti v mediadiskurse Sverdlovskoy oblasti* = Practices of constructing Ural identity in the media discourse of the Sverdlovsk region. *Political linguistics*, 2(74), 119–131. DOI: 10.26170/pl19-02-14. EDN CEINJA.
- Kagansky, V. L. (2014). *Areal'naya paradigma prostranstvennoy identichnosti: osnovaniya, predely, vykhod za predely* = Areal paradigm of spatial identity: foundations, limits, going beyond. *Bulletin of the Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 5, 10–19. EDN TIHIJD.
- Kobozeva, I. M. (1991). *Problemy opisaniya chastits v issledovaniyakh 80-kh godov* = Problems of particle description in research of the 80s. *Pragmatics and semantics*, 147–175. Moscow.
- Kobozeva, I. M. (1995). *Nemets, anglichanin, frantsuz i russkiy: vyyavleniye stereotipov natsional'nykh kharakterov cherez analiz konnotatsiy etnonimov* = German, Englishman, Frenchman and Russian: identifying stereotypes of national characters through the analysis of connotations of ethnonyms. *Moscow University Bulletin. Series I. Philology*, 3, 102–116.
- Kreydlin, G. E. (1975). *Leksema dazhe* = The lexeme *dazhe*. *Semiotics and computer science*, 6, 102–115.
- Levontina, I. B. (2021). *Semanticheskiy komponent ‘shkala’ v znachenii diskursivnoy chastitsy uzh* = The semantic component ‘scale’ in the meaning of the discourse particle *uzh*. *Computational linguistics and intelligent technologies (issue 20)*, 473–482. Moscow: RSHU Publishing House.
- Lomonosov, M. V. (1952). *Polnoe sobranie sochineniy. T. 7. Trudy po filologii 1739–1758 gg.* = Complete works. Vol. 7. Works on philology 1739–1758. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 996 p.
- Muminov, V. I. (2011). *Stilisticheskie funktsii chastits v romane F. M. Dostoevskogo «Idiot»* = Stylistic functions of particles in F. M. Dostoevsky's novel “The Idiot”. Yuzhno-Sakhalinsk: SSU Publishing House, 240 p.
- Nikiforova, M. V., Nakhimova, E. A. (2023). *Sredstva verbalizatsii identichnosti v setevom diskurse regional'nykh politikov* = Means of verbalization of identity in the online discourse of regional politicians. *Political linguistics*, 5(101), 109–115. EDN FZDZHN.
- Nikolaeva, T. M. (1982). *Semantika aktsentnogo vydeleniya* = Semantics of accentual marking. Moscow: Nauka Publishing House, 102 p. EDN UCFKTD.
- Priyatkin, A. F. et al. (2001). *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* = Dictionary of Functional Words of the Russian Language. Vladivostok: Primpoligrafkombinat, 363 p.
- Rathmayr, R. (1985). *Die russischen Partikeln als Pragmalexeme*. München: Sagner, 354 S.
- Razumov, R. V., Goryaev, S. O. (2020). *Translyatsiya regional'noy identichnosti v urbanonimii rossiyskikh gorodov: sovremennoe sostoyaniye* = Translating regional identity in the urbanonymy of Russian cities: the current state. *Questions of onomastics*, 17(2), 201–219. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024. EDN XCHZVS.
- Schiffrin, D. (1988). *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 364 p.
- Shmelev, A. D. (2005). *«Pokazateli khezitatsii» v russkoy ustnoy rechi* = “Hesitation indicators” in Russian oral speech. *Language. Personality. Text*, 518–530. Moscow: Languages of Slavic cultures.
- Smirnyagin, L. V. (2011). *Regional'naya identichnost' i geografiya* = Regional identity and geography. *Identity as a subject of political analysis*, 182–186. Moscow: IMEMO RAS Publishing House.

Starodumova, E. A. (1971). Znachenie i funktsii slova «tozhe» = The meaning and functions of the word “tozhe”. *Scientific Notes of the Far Eastern State University*, 12, 94–107.

Starodumova, E. A. (2002). Chastitsy russkogo yazyka (raznoaspektnoe opisanie) = Particles of the Russian language (multifaceted description). Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 292 p.

Stepanov, Yu. S. (1974). Emil' Benvenist i lingvistika na puti preobrazovaniy = Emile Benveniste and linguistics on the path of transformation. *General Linguistics*, 5–16. Moscow: Progress Publishing House.

Tokarchuk, I. N. (2013). Osobennosti funktsionirovaniya chastitsy DAZHE v nauchnom (meditsinskom) tekste = Features of the functioning of the particle “dazhe” in scientific (medical) text. *Scientific Notes of the Transbaikal State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernishevsky*, 2(49), 49–56. EDN QATPQX.

Vinogradov, V. V. (1986). Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) = Russian language (grammatical teaching of the word). Moscow: Graduate School, 640 p.

Zamyatin, D. (2010). Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodeystvie sovremennykh gumanitarnykh nauk = Humanitarian geography: Space, imagination, and the interaction of contemporary humanities. *Sociological Review*, 9(3), 26–50. EDN NTYQQL.

Данные об авторах

Вепрева Ирина Трофимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

E-mail: irina_vepreva@mail.ru.

Харитонов Анастасия Владимировна – аспирант кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

E-mail: ave.anastasiasa@yandex.com

Authors' information

Vepreva Irina Trofimovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Kharitonova Anastasia Vladimirovna – Postgraduate Student of Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 31.08.2025; дата публикации: 31.10.2025

Date of receipt: 31.08.2025; date of publication: 31.10.2025